

К. Биркин

**Анна Австрийская. Кардинал
Мазарини. Детство Людовика
XIV**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
К11

K11 **К. Биркин**
Анна Австрийская. Кардинал Мазарини. Детство Людовика XIV / К. Биркин –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 50 с.

ISBN 978-5-4241-2383-2

Кондратий Биркин - псевдоним известного русского историка XIX в. Петра Петровича Карагыгина, автора популярных среди его современников сочинений, мистических и исторических романов, ставших сегодня библиографической редкостью.

ISBN 978-5-4241-2383-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© К. Биркин, 2021

Кондратий Петрович Биркин
Анна Австрийская. Кардинал
Мазарини. Детство Людовика
XIV

Семейство Манчини. – Герцог Бофор. – Ретц-Гонди. – Герцог Эльбеф. – Герцог Буйон. – Принц Конти. – Графиня де Лонгвилль. – Принц Конде (1643–1651)

Вдовствующей королеве Анне Австрийской, назначеннай Людовиком XIII правительницей Франции, в год кончины короля исполнилось сорок два года. Трудно было узнать прежнюю красавицу в разжирелой матроне, с одутловатым румяным лицом, крючковатым носом, отвислой нижней губой и двойным подбородком. В нравственном отношении Анна Австрийская точно так же изменилась, как и в физическом. Из прежней страстной мечтательницы, угнетенной мужем-самодуром, она сделалась ворчливой ханжой, которая при удобном случае была не прочь угнетать других; женщина, некогда обожаемая Генрихом Монморанси, потом герцогом Бекингэмом, была теперь любовницей, чуть не рабыней кардинала Мазарини, вместе с королевой прибравшего и всю Францию к рукам. Владычеством Ришелье это королевство было обязано слабоумию Людовика XIII; Мазарини попал во властители государства благодаря сердечной слабости Анны Австрийской... Разница между обоими кардиналами до того огромна, что их невозможно и сравнивать.

Джулио, или Юлий, Мазарини родился в Писшине (Абруцкой области) 14 июля 1602 года. Отец его Пьетро и мать Гортензия Буфалини принадлежали к хорошим дворянским фамилиям. Первоначальное образование Юлий получил в одной из римских семинарий и в юношеских летах продолжал свое учение в Испании, сопровождая туда аббата Иеронима Колонну. Три года молодой Мазарини слушал лекции в Алкале и в Саламанке. Он возвратился в Рим в 1622 году, когда иезуиты намеревались отпраздновать представлением трагедии причисление к лику святых их патрона Игнатия Лойолы. Главная роль была дана Юлию Мазарини, и он сыграл ее с блестящим успехом. Недурной дебют для будущего дипломата! Сценическое дарование юноши обратило на него внимание кардинала Бентиволио, который принял его к себе на службу простым служкою; но, как видно, в этой ничтожной должности Юлий сумел выказать свои дарования. Бентиволио рекомендовал его кардиналу Барберини, племяннику папы Павла V.

– Препоручая этого молодого человека вашему благосклонному вниманию, – сказал он при этом, – я надеюсь отплатить вашей эминенции за все благодеяния, оказанные мне вашим семейством.

– Благодарю за подарок, – отвечал Барберини. – Имя этого юноши?

– Юлий Мазарини.

– Но если он такой способный и дальний малый, почему же вы не хотите оставить его у себя?

– Я недостоин иметь его у себя в услужении.

– Хорошо, я его беру; но на что же он способен?

– На все, ваша эминенция.

– Прекрасно. На первый же случай мы отправим его в Ломбардию вместе с кардиналом Джинети.

И таким образом Мазарини начал свое дипломатическое поприще. В 1629 году он принимал деятельное и успешное участие в качестве уполномоченного интернунция при дворах Франции с Савойею в Сузе. В 1630 году с дипломатическими поручениями он был в Лионе, где представлялся Людовику XIII. Кардинал Ришелье провел более двух часов в беседе с молодым итальянцем и ото-

звался о нем, что это единственный государственный человек, которого ему доводилось встретить. Само собой разумеется, что в течение этих двух часов Ришелье успел привлечь Мазарини на свою сторону и приобрел в нем ревностного приспешника интересам Франции. Война с Испанией была тогда в полном разгаре. Мазарини удалось склонить воевавшие стороны к шестинедельному перемирию, а при возобновлении военных действий он имел храбрость выехать верхом между выступившими друг против друга войсками и, невзирая на свищевые мимо него пули, кричал, махая шляпой: «Мир!!» Маршал Шомберг, видя из условий, предложенных Юлием Мазарини, что выгоднейших невозможного было бы и выговорить даже после самой победы, решился заключить мир, который через два часа был подписан в Кераско. О том, какими глазами смотрели в эту эпоху на Юлия Мазарини европейские дипломаты, читатель может судить по следующему о нем отзыву венецианского посланника Сагредо:

«Ясновельможный синьор Джулио Мазарини обладает приятной наружностью и хорошо сложен; вежлив, ловок, бесстрастен, неутомим, сметлив, прозорлив, скрытен, умеет молчать, точно так же, как и говорить красно и убедительно; не теряется ни при каких обстоятельствах. Одним словом, он одарен всеми качествами, необходимыми искусному дипломату; первый его дебют на этом поприще обличает мастера своего дела; на театре света он, конечно, займет одну из первых ролей. Судя по его здоровой комплекции, он, если не ошибаюсь, еще долго будет пользоваться готовящимися ему почестями, путь к которым затруднен ограниченным его состоянием».

Пророчество посланника Сагредо сбылось в 1634 году. Ришелье, пригласив Мазарини во Францию, назначил его вице-легатом в Авиньоне. В 1639 году он ездил в Савойю в качестве чрезвычайного посла; наконец 16 декабря 1641 года был наименован кардиналом и 25 февраля следующего года получил шапку из рук короля Людовика XIII. Ришелье на смертном одре указал ему на Мазарини как на благоденственного чиновника, и король, назначив в пособие королеве-правительнице государственный совет под председательством принца Конде, назвал кардинала Мазарини одним из его членов; прочими были: кардинал Сегье, суперинтендант Бутийе и государственный секретарь Шавиньи. Гастон Орлеанский, наименованный главным попечителем дофина, был, однако же, подчинен королеве и государственному совету. Умирающий король особенно не доверял ни ему, ни своей супруге. Когда Шавиньи вздумал оправдывать перед Людовиком XIII Анну Австрийскую от всех взводимых на нее напраслин, король отвечал:

— В моем теперешнем положении я должен ее простить, но верить ей все-таки не могу.

Действительно, он был прав, отзываясь подобным образом о своей супруге. Находясь при последнем издыжании, он убедился в ее коварстве. Двор разделился на две партии: Вандома и ла Мейльльера. Вандом, побочный сын Генриха IV, во времена оны был губернатором Бретани, где вместе со своим братом приором был арестован по делу Шалэ. Кардинал Ришелье назначил губернатором, на место Вандома, маршала де ла Мейльльера. Семейство Вандома протестовало, называя поступок Ришелье противозаконным, произвольным, а сын бывшего губернатора герцог де Бофор заявил, что он тотчас после смерти короля овладеет отцовским местом, хотя бы пришлось прибегнуть к силе. Кроме партий двух претендентов на губернаторство, существовала третья, партия Орлеанского.

Анна Австрийская взяла сторону герцога Бофора и, называя его честнейшим человеком во всем королевстве, доверила ему интенданство Нового Замка (Chatean-Neuf), в котором находились король и герцог Анжуйский.¹ Это свое-вольное распоряжение, еще при жизни короля, возбудило в нем крайнее негодование и навлекло на королеву ненависть принца Конде и герцога Орлеанского... Через два дня Людовик XIII скончался. Из всего его семейства и всего двора при трупе осталось только три человека для оказания покойному последних услуг: Карл Амедей Савойский, герцог Не-мур, маршал Витри и маркиз де Сувре. Они присутствовали при вскрытии, омовении, одеванье и положении Людовика XIII на парадный одр. Королева со своими дамами удалилась в старый замок, в котором находились и ее дети. Придворные группировались около герцога Орлеанского, ла Мейльвере и герцога Бофора. Последнему Анна Австрийская поручила попросить к ней герцога Орлеанского. Принц Конде, желавший за ним последовать, был остановлен Бофором.

— Королева могла бы прислать капитана своих телохранителей, а не вас, — заметил обиженный Конде. — Вы и должности никакой не занимаете.

— Я исполнил приказание королевы, — отвечал Бофор, — и во всей Франции нет человека, который осмелился бы запретить мне повиноваться королеве.

Следствием этого столкновения была непримиримая ненависть между принцем Конде и герцогом Бофором.

17 мая парламент признал Анну Австрийскую правительницей, с предоставлением ей совершенной свободы при выборе сотрудников и помощников в великом деле государственного управления. Эта статья парламентского указа низводила всех членов государственного совета, назначенных покойным королем, на степень подчиненных воле Анны Австрийской. Все были уверены, что ни Мазарини, ни Шавиньи не удержатся на своих местах и немедленно будут уволены. Тот и другой обедали у командира де Сувре в самый тот день, когда весь двор полагал, что Мазарини готовился к отбытию в Италию. Когда после обеда хозяин и гости сели за карты, вошел в комнату Беринген, первый камер-лакей королевы. Передав свои карты одному из гостей, Ботрю, кардинал поспешил к посланному и отвел его в сторону.

— Добрая весть! — шепнул Беринген.

— Какая?

— Ее величество неизменно благоволит к вам.

— От кого вы это знаете?

— Я слышал, как господин де Бриенн говорил, будто королева желает назначить вас первым министром.

— Вот как! Что же сказал де Бриенн?

— Он сказал королеве, что если правительству нужен первый министр, то выбор на эту должность вашей эминенции не оставит желать ничего лучшего; что вы и человек опытный в делах, и самый верный подданный ее величества.

— А Бриенн ручался за меня?

— Сказал, что за ваше повышение вы отплатите королеве благодарностью и неизменной преданностью. Государыня выразила только опасение, не связаны ли вы с которой-нибудь из придворных партий.

Мазарини усмехнулся.

— Благодарю вас, господин Беринген, за сообщенные мне сведения. При

случае надеюсь достойным образом наградить вас. Камер-лакей медлил уходом.

— Я еще не все сообщил вам, — сказал он нерешительно. — Я пришел к вам не сам от себя...

— От кого же?

— От королевы.

— А, это другое дело. Досказывайте же.

— Разговор с де Бриенном передан мне самой королевой, для сообщения вам.

Кроме того, она желает знать: может ли она в случае надобности верно на вас рассчитывать, как на надежную опору?

— Скажите ее величеству, что весь я принадлежу ее интересам. Хотя мне следовало бы обо всем сообщить моему другу Шавинни, но я сохранию все дело в тайне, как и сама королева...

— Ваша эминенция, не напишете ли вы всего этого сию же минуту?

— Этого нельзя, потому что хозяин и гости могут подумать...

— Долго ли написать карандашом, — сказал Беринген, подавая свою записную книжку и карандаш. Мазарини написал четким своим почерком:

«Иной воли у меня никогда не будет, кроме воли государыни. Теперь же от всего сердца отступаюсь от тех выгод, которые предоставлены мне духовным завещанием короля,² полагаясь на беспременную добрую ее величества королевы. Писано собственною моей рукою. Ее величества покорнейший, подданный и признательнейший раб ее Юлий, кардинал Мазарини».

Беринген вручил королеве это обязательство, начертанное кардиналом в его записной книжке; Анна Австрийская отдала ее на сохранение графу де Бриенну. На другой же день Мазарини был назначен председателем государственного совета. Эта милость и неограниченное доверие королевы к кардиналу пробудили давно умолкнувшие слухи о связи Анны Австрийской с Мазарини, существовавшей будто бы при жизни короля, с 1635 года. Нашлись злозычники, утверждавшие, что дофин Людовик и брат его герцог Анжуйский — сыновья Мазарини; впоследствии, когда по всей Франции пронесся слух о таинственной железной маске, тысячи уст утверждали, что несчастный узник Бастилии не кто иной, как побочный сын Анны Австрийской от кардинала Мазарини. Время разоблачило клеветы завистников первого министра, и на основании несомненных данных можно сказать, что кардинал интимно сблизился с Анной Австрийской только в год кончины Людовика XIII (1643), когда вместе с ее нежным сердцем она доверила его рукам кормило правления. Не скрывая своего расположения к кардиналу, королева старалась уверить всех своих приближенных, что ее отношения к Мазарини самые безукоризненные, а беседы с глазу на глаз касаются вопросов государственных и религиозных о спасении душевном... В характере Анны Австрийской в эту эпоху проявились черты того лицемерия и ханжества, которые вскоре привились во французском обществе второй половины XVII века; черты, память о которых на веки вечные сохранится в потомстве благодаря мольеровскому Тартюфу. Нравственная эпидемия иезуитского ханжества в царствование Людовика XIV быстро распространилась по всей Франции, угрожая в будущем самыми плачевными последствиями. Таковыми были: отмена Нантского эдикта и безобразное настроение духа всего французского общества в последние годы жизни Людовика XIV. Риторические громы Боссюэта, Бурдалу, Массильона и Флешье нагнали на аристократию суеверную панику, сообщившуюся среднему

и даже низшему классу. С Мольером, нисшедшем в могилу, театр утратил свое высокое нравственное значение, и эту кафедру, с которой Мольер громил общественные пороки, иезуитские проповедники – в свою очередь – провозгласили «сосудом диавольским, орудием сатаны» и т. п. Мольер – комедиант, скоморох – мог смело сказать, что он до последней минуты был верен девизу: смех исправляет нравы (*ridendo castigat mores*); иезуиты-витии, наоборот, своими проповедями, заставляя Францию плакать, изуродовали общественные нравы, наложили на них вериги ханжества и фанатизма. Эпоха регентства (1715–1723 гг.) была обращением Франции от одной крайности к другой; но иначе быть не могло! Общество, утомленное напускным аскетизмом, изнуренное насилиственным воздержанием, сбросило с себя власяницу, в которую его закутали иезуиты и явилось в наготе языческой вакханки, вознаграждая себя за долгий пост возмутительными вакханалиями и луперкалиями.

Вместо прежнего пепла вся знать посыпала себе голову ароматной пудрой; вместо недавнего сухоедения ударились в чревоугодие, пьянство, распутство; вместо покаянных вздоханий затянула неблагопристойные песни. На смену витиям явилась целая плеяда авторов, последователей Бокаччо и Аretина; явился Вольтер – бич ханжества и суеверия, и, не отделяя пшеницы от плевел, истины христианской от лжи иезуитизма, выжег из умов и сердец верования, к ним привитые... Где Мольер колол булавкою, там Вольтер рубил топором; первый старался отрезвить общество от иезуитского хмеля, второй – одно опьянение заменил другим...

Мольер для французского общества исхода XVII столетия был пиявицею, отсасывавшую у него вредные соки, привитые иезуитизмом; Вольтер для XVIII века был ядовитым аспидом: он язвил, но не исцелял, и вместо одного яда прививал другой; Мольер старался перестроить, Вольтер – разрушал, и все его произведения – протест нового поколения на заблуждения старого; он не был сеятелем революционных идей, а только пахарем, приготовившим почву для их восприятия.

Всмотритесь пристально в этот переход Франции от старого образа мыслей к новому, восходите к источнику. Анна Австрийская, истая дочь Испании, – блудливая, как кошка, в молодости, трусливая, как заяц, под старость, – являет французскому обществу дурной пример ханжества, прикрывающего тайные грехи: она усердно слушает проповедников, строго соблюдает их приказания, чуть не бичуется дисциплиною и в это же самое время сожительствует с кардиналом в полной уверенности, что это сожительство, благодаря сану возлюбленного, извинительно. Придворные дамы следуют подданному примеру; лицемерие, кощунствующая набожность входят в моду. Достойный сын Анны Австрийской, Людовик XIV – Юпитер в молодости и чуть не Будда в том возрасте, когда – по выражению Бертрама в опере «Роберт»:

«Когда грешить нет силы боле!»

– Людовик XIV доходит в ханжестве до Геркулесовых столбов; французское общество не отстает от него. Регентство – революция нравственная, предшественница революции политической; одна начинается разливанным морем вина, другая оканчивается разливанным морем крови, и где же находим источники того и другого? В будуаре Анны Австрийской, в котором она беседует со своим Мазарини о душевном спасении, не забывая и наслаждения телесного. Нрав-

ственний недуг, который стараниями королевы прививается к государственному организму, через полтораста лет требует операции радикальной, и до 900000 голов падает под лезвием гильотины.

На шестой день кончины Людовика XIII (20 мая 1643 года) в Париже получено было известие о победе, одержанной над испанцами герцогом Ангиенским, сыном принца Конде и Шарлотты Монморанси – последней любви Генриха IV. Он и сестра его герцогиня де Лонгвилль родились у супругов после десятилетнего бесплодного сожительства. Принца с Шарлоттой сблизило пребывание первого в заключении в Венсенском замке. Представляем физиологам разрешить любопытный вопрос: до какой степени сильно влияние на характер человека места его рождения? Герцогиня де Лонгвилль и брат ее герцог Ангиенский в тюрьме родились, и оба играли весьма важные роли во время волнений, ознаменовавших эпоху регентства Анны Австрийской. Победа герцога при Рокруа обратила на него внимание всей Франции и снискала ему расположение королевы-правительницы. В это же самое время она воротила из ссылки своих приближенных: госпожу д'Отфор, маркизу де Сенесе, Лапорта и наконец герцогиню де Шеврез. Любимица возвращалась из Брюсселя в Париж с пышностью королевы. Прислуга ее помещалась в двадцати каретах, за которыми следовал целый обоз имущества. На расстоянии трехдневного пути до Парижа навстречу герцогине выехал принц де Марсильяк и предупредил ее, что Анна Австрийская теперь не та, какой была прежде, и чтобы герцогиня в беседах с ней была повздержаннее на язык и менее игрила в шутках. Захватив в собой мужа, жившего в Сан-лисе, герцогиня де Шеврез прибыла наконец в Лувр.

Холодность, выраженная королевой при приеме бывшей своей любимицы, доказала герцогине де Шеврез, что Анна Австрийская действительно изменилась к худшему; кроме того, место любимицы было уже занято супругой принца Конде Шарлоттой Монморанси, которая, несмотря на свои пятьдесят лет, не утратила ни красоты, ни способности интриговать и наушничать.

Преувеличенная набожность королевы, умыщенное забвение ею времени минувшего, когда и она, грешная, пошаливала благодаря содействию герцогини де Шеврез, наконец, ее охлаждение к Испании и приверженность интересам Франции – все это ставило герцогиню в какое-то ложное, натянутое положение. Она рассчитывала на расположение к себе Анны Австрийской за услуги, ей оказанные двадцать лет тому назад; но услуги-то эти были такого рода, что королева теперь стыдилась и вспоминать о них; тогда, увлеченная страстью к герцогу Бекингэму, угнетаемая Людовиком XIII, оскорбляемая кардиналом Ришелье она считала герцогиню другом и единственной своей утешой... Теперь эту же самую герцогиню она готова была назвать своей сводницей и чуть ли не главной виновницей своих заблуждений молодости. В политических убеждениях та и другая точно так же диаметрально расходились, и приязненные отношения герцогини к Фландрии, Лотарингии и Испании не могли нравиться королеве. Через два часа после представления герцогини, по возвращении ее домой, ей доложили о приезде кардинала Ма-зарини. По старой памяти, считая его лакеем кардинала Бен-тиволио, герцогиня приняла могучего временщика высокомерно и была с ним тем надменнее, что итальянец был вежлив до самоунижения и рассыпался перед бывшей любимицей в любезностях. Перед уходом он упросил ее, в особенное для него одолжение, принять заимообразно пятьдесят тысяч

ефимков золотом, на покрытие путевых издержек герцогини. Не подозревая ловушки, герцогиня, уверенная в преданности Мазарини, попросила его похлопотать о возвращении семейству Вандома бретанского губернаторства. Министр отвечал, что отнять достояние Мейльлье он не вправе, но что если герцогине угодно, то он с удовольствием готов вознаградить Вандома назначением его управляющим адмиралтейством и генерал-инспектором всех французских портов. Герцогиня, довольная уступчивостью кардинала, попросила у него для герцога д'Эпернона возвращения ему чина генерала от инфантерии и губернаторства Гюйэнны. Чин герцогу Мазарини согласился возвратить, но губернаторство было уже отдано графу д'Аркуру... Герцогиня с назойливостью попрошайки обратилась к кардиналу с третьей просьбой: заменить канцлера Сегье маркизом де Шатонефом в должности хранителя печати. На этот раз Мазарини, обещая ей иметь этого претендента в виду, внутренне дал себе слово при первом же удобном случае подставить ногу любезной герцогине, немножко чересчур радеющей о своих приятелях. Со своей стороны, и эта госпожа, одолжаясь кардиналу, любила давать лишнюю волю своему острому язычку и подсмеивалась над ним королеве, воображая, что Мазарини тот же Ришелье... Но Анна Австрийская была не та, и шуточки над кардиналом имели последствием совершенное охлаждение к ней королевы. Не долго думая бывшая любимица пристала к партии Бофора. За злоречие о министре подверглась опале королевской и госпожа д'Отфор: ей Анна Австрийская напомнила через своего камердинера, что она, дурно отзываясь о первом министре, обижает и государыню. В это время прибыл ко двору бежавший за границу друг и сообщник покойного Сен-Марса – де Фонтрайль. Королева приняла его как нельзя суще и холоднее. Фонтрайль попытался укрыться под крыльышко герцога Орлеанского, но и тот отстранил от себя старого интригана... Тут же, как нарочно, Бутий и Шавини впали в немилость и, обиженные Мазарини, подав в отставку, присоединились к партии недовольных, группировавшейся вокруг герцога Бофора. Герцогиня де Шеврез доводилась ему даже несколько сродни: ее молодая мачеха госпожа де Монбазон была его любовницей. Глава партии герцог де Бофор – молодой, красивый собою, храбрый и предприимчивый – был вместе с тем груб и без всякого образования, до того, что в разговоре делал непозволительные грамматические ошибки. В стенах своего дома он открыл ежедневные сходки своих приверженцев, названных народом партией важных (*partie des Importants*). Этую партию ко вступлению в открытую игру побудило обстоятельство самое ничтожное.

В гостиной супруги герцога Геркулеса де Роган, госпожи де Монбазон, после собрания, бывшего у нее, были найдены две безымянные любовные записки, кем-то подброшенные или потерянные. Хозяйка дома из их содержания догадалась, что записки потеряны внуком адмирала Колиньи, а к нему писаны были герцогиней де Лонгвиль (дочерью герцога Конде), молодой супругой старого урода, в свою очередь, до безумия влюбленного в герцогиню де Монбазон. Последняя разгласила по всему двору о находке писем, не умалчивая об именах нежных корреспондентов. Супруга герцога Конде, вступаясь за доброе имя дочери, принесла королеве жалобу на герцогиню Монбазон, обвиняя ее в клевете и дифамации. Анна Австрийская успокоила просительницу обещанием примерно наказать клеветницу. Как бы в задаток исполнения этого обещания королева навестила беременную герцогиню Лонгвиль в ее загородном замке и выразила

ей свое искреннее участие. В этот же день недовольные явились с визитами к герцогине Монбазон.

Верная данному слову, королева приказала кардиналу набросать формальное извинение, которое герцогиня Монбазон в присутствии всего двора должна прочитать герцогине Лонг-вилль. Для пущего унижения вельможной клеветницы ее отречение от напраслины, возведенной на невинную де Лонгвилль, происходило на балу, в доме последней. Прощение, прощенное с одной стороны и данное с другой, разумеется, не примиряло их, но только пуще разожгло обоядное озлобление. Дочь Конде испросила у королевы позволения не выезжать и ко двору даже во все те дни, когда при нем появляется герцогиня Монбазон... Столкновение врагов, как и следовало ожидать, не замедлило с результатами.

Герцогиня де Шеврез давала в саду завтрак в честь королевы, на которой Анна Австрийская приехала с герцогиней Лонгвилль... Их встретила, разыгравая роль хозяйки, ненавистная Монбазон. Обиженная дочь Конде попросила у королевы позволения удалиться, но Анна ее удержала, предложив удалиться герцогине де Монбазон под предлогом нездоровья... Та отказалась от предложения.

— В таком случае и я не останусь! — сказала Анна Австрийская и, не прикоснувшись к завтраку, возвратилась в Лувр вместе с герцогиней Лонгвилль.

На другой же день сопернику ее попросили выехать из Парижа в свое поместье. Досадуя за свою возлюбленную, герцог Бофор стал на каждом шагу делать дерзости кардиналу и королеве, в то же время располагая умертвить первого из-за угла. Гнусный заговор, без сомнения, удался бы, и только счастливый случай спас жизнь Мазарини: в его карету сел Гастон Орлеанский, и убийцы не посмели стрелять по ней. В другой раз его уведомили накануне, чтобы он не проходил в Лувр обыкновенной дорогой под опасением убийства из-за угла.

— Этого я без наказания не оставлю, — сказала королева, узнав о заговоре на жизнь кардинала, — и через сорок восемь часов злодеи за все поплатятся!

На другой же день герцог де Бофор был арестован в Лувре, в комнатах королевы, и заточен в Венсенский замок. Для прислуки ему дали придворных повара и лакея; он просил, чтобы ему прислали его слуг, но просьба эта была отклонена. Отцу, матери герцога и брату его герцогу де Меркеру высочайше повелено было выехать из Парижа... Герцогиня де Шеврез (многолобая госпожа) поехала к королеве и вздумала было заступаться за семейство Вандом, за что удостоилась услышать добрый совет: жить в Париже смирно и не в свое дело не вмешиваться. Герцогиня попыталась возражать, и тогда королева предложила ей вместе с дочерью отправиться в Тур. Отсюда та и другая, переодетые в мужское платье, перебрались в Англию.

За опалою герцогини де Шеврез следовали падения госпож Сенесе и д'Отфор. Выведенная из терпения их постоянными просьбами и попрошайничеством, королева попросила первую удалиться от двора, а вторую не докучать ей более. Так расстроены были все козни и происки партии важных, и Мазарини остался полным обладателем выгодной своей позиции, и весь двор перед ним раболепствовал.

Около этого времени прибыл в Париж герцог Ангиенский, брат герцогини де Лонгвилль. Узнав о нанесенном ей оскорблении, он решил наказать если не главных клеветников, то, по крайней мере, их сообщников. В этом вызвался быть